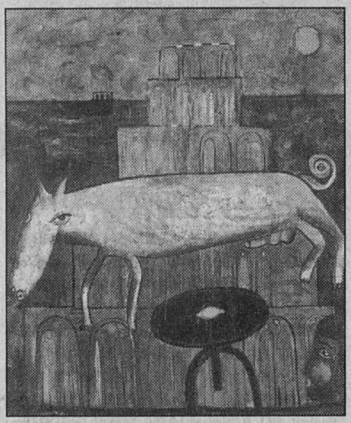
Дальше то же, но другое

Что такое "латвийский символизм"?

Живописные полотна латышского художника Каспара Зариньша представляет галерея Герцева на Каретном Ряду. Первая персональная выставка в России "Дальше тоже море" основной своей темой избрала, как нетрудно догадаться, море. В трактовке художника оно приобретает самые непредсказуемые цвета и часто имеет вид бесконечного кучевого облака. Непонятно, где находишься – в воде или в воздухе. Временами тебя словно выбрасывают на сушу, которой оказываются Вавилон с башней, Толедо с глухой дверью или цветочная поляна с одиноким тощим домом в коричневых сумерках, но дальше тоже море. В самом зеленом из всех морей наивно замерли две красные рыбки. И кораблик плывет. Несколько раз – то по суше, то по морю, то по башне – не спеша пробегает белый несимпатичный пес. А еще есть герой, точнее, только его профиль. Он все время смотрит куда-то, чего-то ждет. И время есть – "Радостное" и "Новое". А "Большая Медведица" из одиннадцати звезд наклонилась, как Пизанская башня, молоденький месяц композиционно ее уравновешивает, но сверху на них горизонтально падает длинный дом, а герой медитирует и не замечает опасности быть погребенным вместе с медведицей, хотя, может быть, это он сам и летает...

Художник считается представителем "латвийского символизма". Однако экспонируемые на данной выставке работы выполнены скорее по формулам фовизма, которому вполне подошла бы приставка "нео". Зариньш открыто цитирует фовиста Матисса и раннего Пикассо, работая в лапидарном стиле с восточными мотивами так же непринужденно, изысканно и красочно. Примитивизм в художественных традициях начала XX века ритмичен, ярок, схематичен, в силу чего вызывает эмоции лишь интенсивностью цветовых контрастов от изумрудно-алого до ультрамариново-терракотового, от лазорево-цыплячьего до колористики Ван Гога и Шагала. Отсыл к искусству восточного ковроткачества выражен то широкой каймой по периметру картины, в центре которой при большом стечении народа происходят собачьи бега, то – и этот прием присутствует почти во всех работах Каспара Зариньша – покрытая красками поверхность холста вне зависимости от изображенного на нем орнаментирована с помощью царапин.



К. Зариньш. "Вавилонская башня"

Замечательным является преломление северо-западной ментальности прибалтийского человека Зариньша, его редкая художническая пластика, позволяющая ему органично вливаться в игриво-медитативное марево образов мусульманского Востока. Это своего рода личностный эклектизм современного постмодерниста. Но где же заявленный символизм? Возникающие при созерцании картин Зариньша миражи, несмотря на их плоскостность, ирреальны ровно настолько, насколько необходимо в них поверить, затерявшись в средиземноморских просторах. Процессу созерцания способствует также и условность форм, придающая особый характер внутреннему содержанию. А неизменное присутствие героя, замкнутого, ироничного, искушенного, говорит о том, что знойное ли, ночное ли пространство все-таки обжито, одухотворено и не лишено загадки. Проникнуть в него совсем непросто, каким бы оно ни казалось в тех завлекательных миражах. Тем более что вход в этот мир охраняется большим белым псом, вероятно, по имени Кетмир, тем самым, что по древней мусульманской легенде охранял без сна и пищи 309 лет Семь Спящих младенцев. Отсюда и противопоставление белого пса Вавилонскому зиккурату или бессознательной толпе, устроившей соревновательный забег четверых святых псов, и конфликт маленького кораблика с зеленой бурей или синей тишиной, и сопоставление косматого неба с волнистым морем.

Арина АБРОСИМОВА

Культура. – 2002. – 9–13 нояб. – с. 8